

Эта пышная свадьба заставила всю империю бурлить целый месяц, прежде чем разговоры наконец утихли.

За это время бог весть сколько людей до такой степени потеряли голову от любви к этой паре, что в сети всплывала всякая всячина.

«Свадьба века!! Это действительно прекрасно, они заслужили все самое лучшее [сыплет цветами][сыплет цветами][сыплет цветами]»

«Сторонник этого железного союза императора и главнокомандующего с десятилетним стажем проливает слезы, теперь моя душа спокойна».

«Право слово, дожить до такого — вот истинное счастье! Я буду усердно заниматься спортом, чтобы прожить до ста лет и стать свидетелем каждого проявления нежности между их величествами в будущем!!»

Это были относительно нормальные публикации.

«Вопрос: я хочу за свой счет построить мемориальный комплекс для их величеств, какова процедура подачи заявки?»

«Вопрос +1: предположим, ранее я по отдельности купил маленькие статуэтки императора и главнокомандующего, а теперь поставил их на рабочий стол в позе для поцелуя — это противозаконно?»

«Тот, кто оставил комментарий выше, не уходи! Оставь ссылку на фигурки... о нет, на статуэтки!»

Это были уже немного помешанные.

«Хе-хе, на эмоциях накатал фанфик 18+ в древнем антураже на двести тысяч слов. Имена замазал, но те, кто в теме, поймут. Читаем тихонько. [Трудно_вынести_милость_государя.txt]»

«Ого?! Друг, ты там часом не перебрал?..»

«Откройте, полиция».

А это были те... кто доигрался и получил блокировку аккаунта.

Все дошло до того, что министр промышленности и информационных технологий в страхе и трепете пришел к императрице спросить, не нужно ли ввести какие-нибудь новые правила для ограничений.

Когда Цзян Цзяньмин через Линь Гэ услышал об этом, он не знал, плакать ему или смеяться.

— Забудь, табу вокруг правителей — это первый шаг к тирании. Мама когда-то говорила, что если хочешь узнать, просвещенная ли империя, есть самый простой критерий: посмотри, осмеливаются ли обычные люди публично называть правителя по имени.

Он с нежностью добавил:

— Дети развлекаются, пусть себе развлекаются.

— О, — Линь Гэ кивнула. — То есть сам объект шипперства открыл разрешение на вторичное творчество, верно?

Цзян Цзяньмин отрезал:

— Иди уже.

Неизвестно, послужило ли это толчком, но на следующий день в глубинах Белого нефритового дворца между двумя молодоженами состоялась тайная беседа.

— Сейчас внешние угрозы устранены, а внутренние противоречия между аристократией и простолюдинами, а также между двумя расами утикли. Я думаю, этой империи пора попробовать некоторые изменения.

Цзян Цзяньмин опустил чашку и слегка подул на чай.

— Что думает Его Величество?

— Изменения? — сердце Лайана дрогнуло, он протянул руку, чтобы подлить ему чаю. — Ты хочешь... реформировать существующий имперский строй?

— Да, полностью искоренить систему имперской аристократии, чтобы сделать это общество более равным. Это то, к чему стремилось общество «Белый голубь и красные листья». Просто в те годы реальные условия оказались недостаточными, и этот идеал так и остался воздушным замком.

Лайан тихо рассмеялся:

— Главнокомандующий, ты действительно не стесняешься. Я стою прямо перед тобой, а ты хочешь свергнуть меня? И еще спрашиваешь моего мнения?

Цзян Цзяньмин сохранил бесстрастное выражение лица:

— Разве я не супруг Его Величества? По такой логике, то, чего я хочу... это совершить двойное самоубийство из-за любви.

Лайан громко рассмеялся. Он вдруг протянул руку, обхватил Цзян Цзяньмина за шею и притянул к себе, соприкасаясь с ним лбами.

— У меня нет тяги к тому, чтобы быть императором, — он наклонил голову и поцеловал Цзян Цзяньмина в губы. — Будь послушным, если общая оценка твоего здоровья на медосмотре в этом году достигнет проходного балла, я обещаю подумать над этим вопросом.

Цзян Цзяньмин ответил:

— О, да-да, у вас есть тяга только ко мне. Так что, сегодня вечером вы снова превратитесь в кристалл, чтобы поглотить меня?

Услышав это, Лайан внезапно помрачнел и стал серьезным:

— Раз уж мы заговорили об этом. Цзян, тебе нельзя слишком сильно потакать мне. В будущем, когда я не смогу сдержаться и захочу поглотить тебя, ты должен научиться отказывать.

Цзян Цзяньмин моргнул:

— Ничего страшного, мне ведь не плохо.

Лайан отрезал:

— Нет, я пристращусь к этому.

— Неужели... пристрастишься?

— Да, — Лайан стиснул зубы и тихо вдохнул воздух с видом мученика, идущего на страшную жертву. — Нужно избавляться от этого. Сначала постепенно сократим количество раз, в будущем это можно делать только раз в год, ну или два... в особые дни, в качестве подарка или награды.

Цзян Цзяньмин сказал:

— У меня, конечно, нет проблем с этим.

«Но вы, кажется, сдерживаетесь с таким огромным трудом, неужели действительно нужно тратить самообладание на подобные вещи...»

Возможно, в этом крылись расовые различия? Цзян Цзяньмин погрузился в размышления.

Может быть, для Лайана, обладавшего свойствами кристаллических частиц, заключение любимого человека внутрь собственного тела приносило огромное удовольствие?

Это как между человеческими партнерами... Лицо Цзян Цзяньмина приняло странное выражение, он покосился на Лайана: «Нет-нет-нет, если проводить подобную аналогию, то ограничение всего одним или двумя разами в год — не слишком ли это жестоко?»

Время шло в покое и стабильности. Золотые розы за стенами императорского дворца расцветали и увядали, из года в год оставаясь такими же прекрасными.

На следующий год империя построила небольшую парящую крепость на месте прежних координат кристаллического гнезда.

Называлась она крепостью, но на самом деле не выполняла никаких функций, и тем более не имела военного оборудования. Империя не посылала туда войска для охраны, только интеллектуальные механизмы совершали плановые патрули.

Единственным ориентиром там служил огромный памятник павшим героям.

Это была и стела, и маяк.

Многие ученые полагали, что война с кристаллическими частицами отнюдь не стала финалом, а послужила увертюрой к вступлению человечества в эру великого космоса.

Возможно, в будущем человечество столкнется с еще большим количеством неведомых форм космической жизни, и тогда пламя войны разгорится вновь, а их потомки отправятся в новые походы.

Кто знает наверняка?

В недавно отстроенном штабе базы «Черная акула» Сильф сидела в крутящемся кресле, глядя на мерцающую карту звездного неба, и с улыбкой говорила:

— Может быть, прямо сейчас какая-нибудь космическая раса за сотни или тысячи световых лет отсюда зафиксировала нашу войну с кристаллическими частицами, проявила интерес и уже готовится прилететь в человеческую звездную систему, чтобы посмотреть.

Линь Гэ взмолилась:

— Пощади меня!

Сильф ответила:

— Чувство опасности терять нельзя. Разве мы уже не начали формировать соответствующее ведомство? Ответственный министр уже выбран?

Линь Гэ сказала:

— Ну, с этим как раз определились.

У Сильф загорелись глаза:

— Кто?

Линь Гэ ответила:

— Ты.

— ...?

— А кто еще, кроме тебя? — Линь Гэ обошла Сильф со спины и похлопала ее по плечу. — Моя императрица, подыскивай поскорее второго руководителя для базы, у тебя появилась новая должность.

Белый нефритовый дворец.

Достопочтенный император Лайан Кайос, сверяясь с интернет-руководством, срезал кожуру с яблок так, чтобы придать им форму маленьких кроликов.

Он аккуратно разложил кроликов на тарелке и почему-то решил, что получилось очень мило. Поэтому он открыл наручный коммуникатор, сделал снимок и отправил Цзян Цзяньмину: «Возвращайся есть яблоки».

Отправив сообщение, Лайан вымыл руки и сел обратно за стол в ожидании ответа.

Прошла минута, прошла вторая...

За окном простиралось чистое небо, но никто так и не приходил. Сидевший в императорском дворце златовласый император от нечего делать совсем сдулся от скуки, его глаза постепенно утратили блеск.

Опять не отвечал на сообщения. А ведь несколько дней назад Цзян говорил, что установил для него «особое уведомление». Этот человек, как и следовало ожидать, всегда умел искусно обманывать.

Конечно, это не означало, что он так уж сильно не мог без него обходиться, просто к болезненному возлюбленному требовалось проявлять больше внимания. И это не означало, что у него остались какие-то невротические душевные травмы, просто из соображений безопасности...

Лайан снова отправил сообщение через коммуникатор: «Ты где?»

Спустя еще некоторое время Цзян Цзяньмин наконец прислал геопозицию.

И добавил сообщение: «Кролики очень милые, подожди меня, вернусь — поедим вместе».

Отображаемая геопозиция указывала на военную академию Кайоса, что, очевидно, являлось абсолютно безопасным местом.

Лайан мгновенно насторожился: «Почему ты в военной академии? Ты же сказал, что пошел в библиотеку за книгами?»

Цзян Цзяньмин ответил: «По дороге назад встретил прежнего учителя. Он сказал, что в этом месяце построили новый полигон для мехов, я не удержался и заглянул на секунду».

Лайан написал: «О, полигон для мехов».

Лайан написал: «И ты еще зашел внутрь».

Лайан написал: «Действительно просто заглянул?»

Третий район Звездного города Аслан, военная академия Кайоса.

На новом полигоне для мехов стоял невообразимый шум.

На зрительских трибунах группа юношей и девушек с красными лицами издавала бессмысленные крики вроде: «А-а-а-а, главнокомандующий Цзян такой крутой!!» или «О-о-о-о!!».

На площадке стоял самый обычный мех класса Е — массовая модель, используемая студентами-новичками.

Однако в этот момент его механическая рука намертво прижала к земле другой мех класса D, который был больше его на два обхвата. Последний отчаянно пытался вырваться, но его верхняя часть с грохотом оказалась зажата, и он наконец замер, потеряв возможность двигаться.

Защитная панель перед кабиной меха класса Е опустилась. Цзян Цзяньмин отпустил рычаги

управления и мягко произнес:

— Движения неплохие, но базовая техника недостаточно прочная, возвращайся и тренируйся еще.

Из противоположного меха, нервничая так, что путал руки и ноги, вылез студент:

— Да... есть! Спасибо за указания, главнокомандующий!!

Цзян Цзяньмин собирался сказать что-то еще, но мигающее уведомление о сообщении прервало его речь.

Стоило ему открыть страницу связи, как он увидел три вопроса Лайана подряд, бьющие прямо в душу.

— «...»

Командующий Цзян с виноватым видом покосился на ручной пульт управления перед собой.

Он все понимал, но...

Если посчитать, он больше двух лет не прикасался к мехам. Неужели ему нельзя было хоть немного почесать руки!

Лайан написал: «...Цзян».

Лайан написал: «Яблочные кролики скоро окислятся».

В этом сообщении сквозила такая обида, что Цзян Цзяньмин невольно представил в конце плачущий смайлик или мем с плачущим котиком.

Он почувствовал, словно ему в сердце вонзили клинок, и чувство вины резко подскочило. Он даже начал воображать, как Лайан плачет, превратившись в лужицу жидкого кота.

Что еще хуже, поскольку подобные сцены действительно случались в реальности, его чувство вины стало еще более тяжелым.

Главнокомандующий Цзян признал свое поражение: «Уже возвращаюсь».

Лайан не унимался: «Поздно, они уже потемнели».

Лайан написал: «[Фотография.jpg]»

Лайан написал: «Посмотри сам».

Цзян Цзяньмин спросил: «И что мне делать? Ты сначала съешь их, а когда я вернусь, мы вместе вырежем новую порцию?»

Лайан через сеть начал искушать его, словно злой демон: «Но это не обычные яблоки. Айринский агат, по пятьдесят тысяч монет за штуку».

Цзян Цзяньмин пришел в отчаяние: «Хорошо, хорошо, я выхожу прямо сейчас, арендную флаер и прилечу, идет?»

Лайан ответил: «Нет, жди на месте, я сам приеду».

Когда Лайан на дворцовом флаере добрался до военной академии Кайоса, тот мех все еще оставался на открытом полигоне.

На площадке стояло около сотни курсантов академии, а рядом находились несколько известных инструкторов по пилотированию. Новенькие судейские роботы бегали вокруг, а на большом экране как раз прокручивали повтор только что завершившегося боя мехов.

Сам мех в центре площадки находился на земле, его кабина была открыта, и Цзян Цзяньмин с улыбкой разговаривал оттуда, его взгляд оставался очень мягким.

Курсанты окружили его, множество юных и свежих лиц без умолку щебетали.

Эти дети поначалу наверняка нервничали и трепетали, краснели и не могли выдать ни слова.

Но главнокомандующий Цзян выглядел таким мягким и доступным, совсем как новый молодой учитель. Очень скоро они с энтузиазмом завели беседу.

Лайан на мгновение замер. Он осторожно опустил флаер ниже, не отрывая взгляда от профиля Цзян Цзяньмина.

Ему показалось, что он увидел костер в диких секторах, дефектного человека в рваном плаще, окруженного бродягами... На самом деле он никогда не видел этого своими глазами, только слышал из описаний Линь Гэ.

Но в этот миг темная долгая ночь сменилась синим небом и белыми облаками, дети стояли с расправленной грудью, и их глаза сияли. Не существовало ничего более прекрасного и волнующего душу, чем это зрелище.

Вдруг Цзян Цзяньмин, словно почувствовав его присутствие, поднял голову и сразу увидел флаер Лайана. Он помахал рукой и крикнул:

— Ваше Величество!

Лайан посадил флаер и крупными шагами направился к нему. Цзян Цзяньмин оттолкнулся от края кабины меха и спрыгнул прямо вниз.

Лайан испугался, инстинктивно пробежал пару шагов вперед, мгновенно вытянул кристаллические кости, чтобы подхватить его, и в следующую секунду крепко поймал его в объятия.

В тот же миг среди курсантов академии раздался взрыв с трудом сдерживаемых, но все же вырвавшихся наружу криков.

Инструкторы по пилотированию не знали, злиться им или смеяться, и принялись отчитывать детей за дерзость.

Лайан вскинул брови и усмехнулся. Он опустил Цзян Цзяньмина на землю, придал своему лицу загадочное выражение, повернулся и... достал из окна кабины флаера маленький контейнер для еды.

Он открыл его, изящной серебряной шпажкой подцепил одного яблочного кролика и протянул Цзян Цзяньмину, после чего хищно усмехнулся в сторону преподавателей и курсантов:

— У главнокомандующего слабое здоровье, кто подбил его сесть в мех?

<http://bllate.org/book/18346/1759659>